

А.Г. САДОВНИКОВ
(*Нижний Новгород*)

**ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ
ФЕНОМЕНА МЕЛАНХОЛИИ
В ПИСЬМЕ В.А. ЖУКОВСКОГО
«О МЕЛАНХОЛИИ В ЖИЗНИ
И В ПОЭЗИИ»**

Исследуются представления В.А. Жуковского о происхождении и сущности феномена меланхолии в дохристианский и христианский периоды, о духовных и эстетических последствиях меланхолизации человеческого сознания на разных этапах истории человечества, изложенные в письме «О меланхолии в жизни и в поэзии».

Ключевые слова: *Жуковский, меланхолия, античность, христианство, поэзия, эпикурейство.*

В 1846 г. В.А. Жуковский написал П.А. Вяземскому письмо, из которого впоследствии была образована статья «О меланхолии в жизни и в поэзии» [3], где поэт обобщил свои представления не только о меланхолии, но и о духовных и эстетических последствиях меланхолизации поэтического сознания на разных этапах человеческой истории, которая, с точки зрения Жуковского, складывается из двух эпох – дохристианской и христианской. Эта исходная культурно-историческая концепция закономерно предопределяет религиозно-философский контекст, генерализующий авторские размышления о феномене меланхолии.

В древнем, дохристианском мире (под древним миром Жуковский подразумевал классический мир греков и римлян), с точки зрения автора, меланхолия была неотъемлемой составляющей человеческого подсознания, генетически мотивированной «самой природой вещей тогдашнего мира» и характером мировосприятия и религиозности древних. Жизнь древних представляется Жуковскому как «светлая, украшенная жертва, ведомая с музыкою, пением и пляскою на заклятие» [2, с. 404]. Это образное определение указывает на две основные составляющие жизни «языческой» древности, взаимопроникновение которых стало источником меланхолии в ее дохристианском варианте. С одной стороны, антропоцентрический характер греческой и римской идеологии придавал жизни праздничный ореол, с другой – аксиоматическое

убеждение во всемогуществе фатума и Парки создавало ощущение тщетности и обреченности всего сущего. «Древние брали жизнь целиком, спешили вполне ею воспользоваться; наслаждение было их единственной целью <...>. И они умели употреблять ее по-своему; и это искусство употребления жизни особенно выражается в поэзии и в скульптуре; какая верность, свежесть, полнота форм, какое пластическое совершенство!» [2, с. 409]. Стремление «брать жизнь целиком» закономерно предполагает зависимость от жизни, ограниченность пределами материального мира и неизбежное ощущение незаменимости земных благ: «Все сокровища были на земле; все заключалось в земных радостях, и все с ними исчезало» (Там же, с. 408). Следствием данного типа мировосприятия, с точки зрения Жуковского, является, во-первых, специфический характер религиозности древних: «...их религия принадлежала тесным пределам этой материальной жизни; она не входила во внутренность души, напротив – извлекала ее из самой себя, наполняя внешний мир, ее окружающий, своими поэтическими созданиями, повторявшими, в другом только размере, все события ежедневной материальной жизни»; во-вторых, особого рода эпикурейство, когда «у каждого на пиру жизни висел над головою, на тонком волоске, меч Дамоклесов; но потому именно, что он у каждого висел над головою, все общею толпою шумели весело на пиру и спешили насытиться по горло. Каждый сам про себя, ясно или неявно, чувствовал, что когда соберут со стола, уж другого ему не накуют <...>» (Там же).

Сквозь приземленную религиозность и агонизирующее эпикурейство и прорывалась независимо от воли художника, «кипящего и живущего с окружающим его миром» (Там же, с. 403), меланхолия, которая как «колодник, заключенный в темном подвале под чертогом пиршественным, на минуту вырывается из затвора и пробегает перед толпою пирующих, чтоб снова попасть в руки тюремщиков и возвратиться в свое темное заключение» (Там же, с. 409).

По мнению автора, меланхолическое ощущение печальной истины о незаменимости земных благ, безысходности существования, об отсутствии в жизни и верованиях древних одухотворяющего «элемента», способного дать человеческой душе возможность осознать свое бессмертие и приобщенность к вечности, особенно емко воплотилось в сочинениях Горация. В качестве иллюстрации

Жуковский апеллирует к финалу I.XI оды Горация:

Spem longam reseces. Dum loquimur, fugerit invida

Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero.

Нить надежд обрежай. – Мы говорим; время ж завистливо.

Прочь бежит: так лови день, а мечты все о будущем брось.

(Пер. А.С. Садовникова)

Движение времени Гораций понимает прежде всего в контексте земного существования человека, что влечет за собой исключительные какие-либо надежды, выходящие за его границы, убеждения в роковой власти «завистливого» времени и скоротечности жизни. В этой ситуации бытие распадается на череду сколь ярких, столь и однообразных дней, каждый из которых воплощает в себе всецело ориентированный на сиюминутные жизненные ценности инвариант человеческого существования. Финальное наидание Горация – *лови день* – открывает меланхолически печальную истину о невозможности грядущей вечности для души, находящейся в плену дня, олицетворяющего жизнь но приоткрывает лишь для того, чтобы еще сильнее привязать человека к «милому заблуждению, чтобы наложить новый блестящий покров на скелет жизни» [2, с. 408].

Жуковский заключает, что главным источником меланхолии в древнем мире являлось чувство, во многом подобное чувству утраты: «Что такое меланхолия? Грустное состояние души, происходящее от невозвратной утраты – или уже совершившейся, или ожидаемой и неизбежной» (Там же, с. 404). При этом в отношении античности речь идет об утрате, хотя и мотивированной внешней реальностью («Причины меланхолии суть причины внешние, истекающие из всего того, что нас окружает и что на нас извне действует <...>. Меланхолия питается извне; без внешнего влияния она исчезает» (Там же), но имеющей идеальный характер, поскольку человек эпохи античности, хотя в обыденной жизни и не сознавая этого, был лишен ощущения духовной сопричастности вечному: «<...> душа не имела за границей мира своего будущего и улетаала с земли безжизненным призраком; и вера в бессмертие посреди этого кипения жизни настоящей никому не шептала своих великих, всеоживляющих утешений» (Там же). Вследствие этого и рождалась древняя меланхолия «мало-помалу изнуряющая и, наконец, губящая душу» (Там же, с. 406).

С точки зрения причин возникновения и по характеру воздействия на внутренний мир человека Жуковский противопоставляет меланхолии древнего мира меланхолию христианской скорби (или печали), которая «есть состояние души, томимой внутреннею болезнию, из самой души истекающею; и хотя причины скорби могут быть внешние, но они, поразив душу, предают ее ей самой <...>. Скорбь питается изнутри <...>» (Там же, с. 404). Кроме того, античная меланхолия характеризуется как пассивно переживаемое состояние, в то время как меланхолия скорби «напротив, есть деятельность, для души образовательная и животворная...» (Там же).

Таким образом, Жуковский пришел к выводу о том, что в «запечатленной» меланхолией жизни древних существовала необходимость – «дополнения», которое «упрочивает и благородствует» жизнь, приобщая ее к вечному. В этом отношении решительный переворот совершился с появлением Евангелия и по мере распространения христианской культуры. Явление христианства в древнем мире автор отождествляет с «откровением», сверхъестественность которого состоит в его уникальной духовной сущности.

Во-первых, благодаря ему был преодолен антропоморфный и социоморфный характер представлений о божественном.

Во-вторых, «Откровение разоблало перед человеком его высокую природу и возвеличило человеческую душу, указав ей ее падение и вместе с ним ее права на утраченную божественность, возвращенные ей искуплением» (Там же, с. 409).

В-третьих, «Из внешнего мира материальной жизни, где все прельщает и гибнет, оно обратило нас во внутренний мир души нашей; легкомысленное, ребяческое наслаждение внешним уступило место созерцанию внутреннему <...>, открыло нам глубину нашей души, увлекло нас в духовное созерцание, соединило с миром внешним мир таинственный, усилило в нас все душевное – это отразилось в жизни действительной: страсти сделались глубже, геройство сделалось рыцарством, любовь – самоотвержением <...>» (Там же, с. 409–411).

В-четвертых, новозаветное откровение изменило характер представлений о скорби (печали) и меланхолии и привело к переосмыслению их значимости в душевно-духовной жизни человека и духовной жизни человечества.

Итак, по убеждению Жуковского, в отличие от эпохи христианства скорбь в дохристианском мире была «неотъемлемым свой-

ством» души, бессмертной по своей природе и божественной по своему происхождению, но падшей и носящей в себе подавляющее душу чувство сего падения. Она либо угнетала человеческую душу, приводя личность к обособлению в границах «черной меланхолии», либо стимулировала душевную работу, направленную на преодоление скорби, итогом которой неизбежно становилось возвращение к сиюминутным эпикурейским ценностям.

Литература

1. Гиллельсон М. И. Переписка П.А. Вяземского с В. А. Жуковским // Памятники культуры. Новые открытия. Л, 1979.
2. Жуковский В.А. Избранное / сост., вступ. ст., прим. И.М. Семенко. М. : Правда, 1986.
3. Жуковский В.А. О меланхолии в жизни и в поэзии // Русская беседа. 1856. Т. I.

Genesis and evolution of phenomenon of melancholy in the letter of V.A. Zhukovsky "About melancholy in life and in poetry"

There are investigated the ideas of V.A. Zhukovsky about the origin and the essence of the phenomenon of melancholy in the pre-Christian and Christian period; about the spiritual and aesthetic consequences of melancholy of human mind at different stages of mankind history, stated in the letter "About melancholy in life and in poetry".

Key words: *Zhukovsky, melancholy, Christianity, antiquity, poetry, epicureanism.*

Н.Д. ФИРЕР
(Лесосибирск)

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В КУЛЬТУРЕ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Охарактеризована роль библиотек в процессе освоения сибиряками исторической культурной памяти, накопления и сохранения духовного опыта.

Ключевые слова: *читатель, круг чтения, библиотечное дело, сибирская провинция.*

Книга внесла бесценный вклад в культуру Сибири. Она служила проводником и носителем новой светской культуры, одновременно являясь и ее созданием, одним из важнейших

плодов культурного развития общества. Обращение к книге в системе культуры XVIII – XX вв. включает большой круг историко-культурных вопросов (типы изданий, их тематика и содержание, производство, книжная торговля, процесс функционирования книги в обществе (читатель, круг чтения, библиотеки)). История библиотечного дела в Енисейской губернии – это часть истории культуры и образования в сибирской провинции.

Русский человек, неудержимо продвигаясь «встречь солнцу» на восток, не забывал взять с собой книгу. Об этом писал в статье «Книжный рынок Енисейска в первую половину XVIII века» известный знаток сибирских архивов Н.Н. Оглоблин [2, с. 216]. Быстро появилась своя сибирская рукописная, в первую очередь летописная литература. Следует отметить, что самовольный во многом характер заселения Сибири и массовая ссылка благоприятствовали развитию в ней грамотности. Большое просветительное значение имели многочисленные в XVIII в. научные экспедиции в Сибирь. Вот почему в этот период на сибирской окраине Российской империи удельный вес грамотных людей был даже несколько выше, чем в центральной части страны.

Не случайно первая в России провинциальная публичная библиотека возникла в 1782 г. в Иркутске, центре Восточной Сибири. Вторым же (и первым среди уездных в стране) городом, в котором появилось собрание книг, предназначенное для всех «охотножелающих читателей», был Красноярск. Поскольку публичная Иркутская библиотека стала действовать лишь с 1789 г., пальму первенства следует отдать Красноярску.

В условиях того времени для такого небольшого, с населением менее 3 тыс. жителей, уездного городка, как Красноярск, это было важным событием. 2 апреля 1784 г. капитан-исправник коллежский секретарь Степан Михайлович Кашкарев, недавно назначенный главой уездной администрации, подарил будущему городскому училищу 20 книг и один эстамп и изъявил желание быть в нем учителем. Поскольку училища еще не существовало, а книгами заинтересовались многие, то городской магистрат решил выдавать их всем желающим под роспись. Для лучшей же сохранности книг и имеющихся в магистрате печатных манифестов и законов было решено сделать в присутственной комнате «нужной пропорции шкаф».

Частично сохранившаяся «Роспись подаренным книгам» показывает, что красноярцы